

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ТЕКСТАХ

С.И. Лучицкая

ТРАКТАТ «DE GENERATIONE MAHUMET»
В СОСТАВЕ «КЛЮНИЙСКОГО КОРПУСА»:
НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ
О ПЕРЕВОДЕ ГЕРМАНА ДАЛМАТИНСКОГО (XII в.)

Аннотация: В статье анализируется трактат «De generatione Mahumet et nutritura eius», представляющий собой текст о ранних годах жизни пророка Мухаммада, переведенный по поручению Петра Достопочтенного с арабского на латынь эрудитом XII в. Германом Далматинским. Автор статьи поднимает вопрос о том, какой арабский оригинал использовал переводчик в своей работе. Пытаясь ответить на этот вопрос, она осуществляет анализ различных частей трактата, сравнивая его с посвященными генеалогии средневековыми испанскими текстами, которые циркулировали на Пиренейском полуострове среди мусульманских меньшинств.

Ключевые слова: «Клюнийский корпус», Петр Достопочтенный, Герман Далматинский, восприятие ислама в Средние века.

Об авторе: Лучицкая Светлана Игоревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119334 г. Москва, Ленинский пр. 32А. odysseus1989@gmail.com

В 1142 г. во время путешествия по Пиренейскому полуострову аббат Клюни Петр Достопочтенный (1125–1156)¹ [11:1–255; 16:1–316; 25:1–454; 3:23–27] встретился в долине Эбро (сiсca l'еbrо) с известными средневековыми интеллектуалами – Робертом Кеттоном, Германом Далматинским и др. – и поручил им

¹ Библиография работ о клюнийском аббате включает сотни названий. Здесь упоминаются только некоторые из них.

перевести на латинский язык корпус текстов об «учении сарацин» включая их священную книгу, а также описание жизни и деятельности пророка Мухаммада, сочинения об истории и обычаях арабов и пр. [19:285–296; 20:223–236]. Так в латинской Европе появился первый перевод как Корана (*Lex Sarracenorum*), осуществленный Робертом Кеттоном в 1142–1143 гг., так и целого ряда других сочинений, которые все вместе составили знаменитый «Клюнийский корпус» (*Corpus Cluniacensis*, или *Corpus islamochristianum*) [2:44–53]. Герман Далматинский, о трудах которого здесь пойдет речь, перевел два текста – *Doctrina Mahumet* и *Liber de generatione Mahumet et nutritura eius*. В «Клюнийском корпусе» эти два текста вместе с т.н. *Chronica mendosa et ridiculosa Sarracenorum* (хроникой, включавшей иудейско-мусульманские легенды о сотворении мира и набросок биографий первых халифов) объединялись под названием “*Fabulae Sarracenorum*”. Эти переводы существенно обогатили знания латинской Европы об исламе, а Петр Достопочтенный как раз и занимался поиском информации об исламе из арабских источников с целью написания своих полемических трактатов, разоблачавших ислам – «сарацинскую ересь». На основе новых знаний аббат написал *Summa totius haeresis Sarracenorum* – текст, послуживший введением к «Клюнийскому корпусу»², а в конце жизни создал трактат *Liber contra sectam Sarracenorum*, в котором попытался разоблачить учение ислама³.

Из всех текстов Клюнийского корпуса выделяется *Liber de generatione Mahumet*. Это первое на христианском Западе жизнеописание пророка ислама – красочный текст, рассказывающий о происхождении и ранних годах жизни Мухаммада. Переводчиком *Liber de generatione* был Герман Далматинский (*Hermannus Dalmata*, *Hermannus Slavus*), замечательный ученый XII в. Сведения о нем достаточно скудны [9:386–404; 18:57–71]. Известно, что он говорил на славянском наречии и происходил из

² См.: *Petrus Venerabilis Schriften zum Islam. Corpus islamo-christianum* / Hg. R. Gleis. Altenberge. 1985. P. 2–22. Перевод см.: *Петр Достопочтенный Сумма всей сарацинской ереси*. Пер. и коммент. С.И. Лучицкой // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2019. Вып. 8. № 2. С. 54–63.

³ *Petrus Venerabilis Schriften zum Islam...* P. 30–224.

Каринтии. Первое образование Герман получил, видимо, в бенедиктинских школах своей родины. Затем он обучался в школах северной Франции, которые в то время привлекали умников со всего света. Скорее всего, одним из его учителей был Тьерри Шартрский, которому он посвятил свой перевод трактата Клавдия Птолемея «Планисферий» (*Planisphaerium*). Впоследствии, быть может, в связи с интересами Франции (а скорее клюнийской конгрегации) к вновь завоеванным землям Испании Герман Далматинский двинулся на юг. Во всяком случае известно, что между 1138 и 1143 гг. он провел время в южной Франции и северной Испании. Именно там он мог вступить в контакт с арабской культурой и погрузиться в переводы арабских ученых текстов [7:100–134].

Как считается, Герман Далматинский принадлежал к той интеллектуальной традиции (не только исключительно французской), которая уходит своими корнями в те времена, когда на христианском Западе были созданы первые переводы астрономических трудов. Речь идет о таких средневековых эrudитах, как Герберт Орильякский (†1103) или Герман из Райхенау (*Hermannus Contractus*) (†1154) – бенедиктинский ученый, астроном и музыкант, которого ученый считал своим учителем и из почтения к тому себя называл *Hermannus Secundus*. Творческое наследие Германа Далматинского чрезвычайно широко и богато, его труды покрывают весь спектр квадривиума (за исключением музыки) [10:2166]. В частности, он написал собственное сочинение «*De essentiis*», посвятив его другу Роберту Кеттону [8:1–203]. В этом трактате по космологии, как считается, ему удалось соединить платоническую и аристотелевскую традиции. С идеями же Аристотеля он познакомился благодаря своим переводам с арабского трудов по астрономии и математике. Так, стремясь познакомить христианский Запад с астрологией, он переводил сочинения сирийского астролога Сахл ибн Бишра (†845) и персидского астронома Альбумасара (†886), в частности его «Большое введение в астрономию», он также изучал астрономические таблицы аль-Хорезми. Занимался он и переводами античных сочинений по математике – таких, как «Элементы» Эвклида, «Сферика» Феодосия Триполитанского и др. Но все же главной

Iste de generatione mahumet - nunciatum est. qd transiit hermann' selauus
 scolasticus subtilis - ingeniosus ap' legionem hyspanie ciuitatem.

LIBER GENERATIONIS MAHUMETI
 MESTI RYNYI DEI ORATIO DEI
 SUPER EYAM ET SALU.

abadam & eua pordine paritum
 utriusq; sexus. usq; ad tempus quo p
 dicitur cum ds pfectum. gratiosum. &
 idoneum sibi. Quum autem pordine.
 primus kabalabbar. deinde abnaballa
 mahumet filius eze. post hunc abual
 mutarref abderahmen filius eze.
 Deinde abuzaid filius elzarabif. postque
 abumahumet alabez filius abdalla.
 sicq; alsald filius ishar. atq; abulambe.
 deinde azerigi filius suleimen. Post q
 mahumet albalachi. postremus filius
 zaid abuhamar. Primus q kabalabbar.
 sequentiu omnium testimonio. cum in
 scripturis ppham hunc selo nascitu
 rum studiose didicisset. omnesq; histo
 riam utri astrologico testimonio ap
 pbaasset. ecce scloz serie inipit dieb'
 suis. unu natu audie incuntate arabie
 ieterab. omnia puidencie sue signacla
 preferent. Celebri demu fama fre
 quentia. testimonio motal homine
 adit. que undiq; uersum pspiciens.
 omnesq; modu eius & conuersione
 obseruans. ita quide ut ipsal etiam
 corpis notal eisdem qual prestiona
 uerat requiret. ut in
 fronte maciam. inter
 scapulas huiusmodi
 karakterem. hunc ipsum esse

plane deprehendit. Quod deinde ut etiam
 scloz serie diuina; dispositione cõpbar.

incipit abadam & eua usq; admahumet.
 ordine generationis eius. a magistro suo
 kabetnehdi. accepta in hunc modu.

CREATOR VS OMNIPOTENS.
 ut primu adam creauerat.
 consurgens recent cerebrum subito
 contremiscens sonat. n aliter qua fron
 des uento comote. Qd stupens ade
 sonant inq; dñs que miras adam sig
 num e ppharum & nuntioz mandatu
 mei. hoc q lucet sem uirtutis mex do
 no conceptu. n nisi dignis lumbis mun
 dex; uulue comendabit. F ut itaq; lux
 nascitur ex eo pphie mahumet. omib'
 dieb' resplendent ex facie adam. tanq
 sol in rota circuli sui. aut luna in uolte
 plentibus. Quocensq; eam aggressu
 rus erat. lauare & mundari castigabat.
 dubius qua hora dñs sem lucet ex
 eo pmouere. Obseruabat q eua pcep
 ta maria. quousq; concepit seth. pa
 trem ppharu. & caput nuntioz dei.
 Qua ipsa hora lux splendet a facie ada
 migrauit infaciem eue. fuitq; exinde
 eua cunctis dieb' in forme decore.
 lucisq; splendore addent. usq; adeo
 qd & aeris treq; animata uultus
 eius nitorem admirata superent.
 Scipens & ipse adam. se a tactu gra
 uide cohibuit. Singlis itaq; diebus

De generatione Mahumet et nutritura eius

страстью Германа Далматинского были звезды [21:173–180]. И когда Петр Достопочтенный встретился с ним, ученый вместе со своим другом Робертом Кеттоном занимался переводом «Альмагеста» Клавдия Птолемея. Однако благодаря своему энтузиазму и (не в последнюю очередь) денежной субсидии от короля Альфонса VII деятельный аббат сумел отвлечь друзей от их занятий и заинтересовать арабскими текстами, которые предложил перевести. Надо сказать, что клюнийский прелат очень высоко ценил приглашенных им эрудитов. Так, в своем письме Бернару Клервоскому он представляет их как «прилежно занимающихся искусством астрономии» (*astrologicae arti studentes*), а Германа – как «проницательного и начитанного ученого» (*acutissimi et literati ingenii scholasticus*). Он называет их «сведущими в обоих языках мужами» (*virī utriusque linguae periti*) – арабском и латинском⁴. А перевод трактата о жизни Мухаммада требовал знания как раз этих языков. Что же за памятник создал Герман Далматинский, трудившийся по поручению Петра Достопочтенного над переводом арабского оригинала?

Заглянув в современные справочники о христианско-мусульманских отношениях, мы узнаем, что согласно современной науке *Liber de generatione* является переводом на латинский язык арабского сочинения *Kitāb al-anwār* (букв. «Книга света») Абуль Хасана аль-Бакри, написанного в XIII в. [14: 497–507]. Это первый парадокс, с которым мы встречаемся при изучении этого труда Германа Далматинского: арабский оригинал относится к концу XIII в., в то время как его перевод был сделан в середине XII в. Чтобы разобраться в чем дело, попытаемся сначала бросить общий взгляд на это сочинение, сохранившееся в 26 списках [5: 202–218; 12: 413–434]⁵.

⁴ *Petrus Venerabilis* Epistola de translatione sua // *Petrus Venerabilis* Schriften zum Islam... P. 24.

⁵ В настоящее время мною изучены четыре рукописи: три из Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque de l' Arsenal Ms. lat. 1162 (XII s.); BNF Ms. 3393 (XIII в.), BNF Ms. Lat. 3668 (XIII в.)) и одна рукопись из Российской Национальной Библиотеки (РНБ. Lat. Q. I.345 (XV – нач. XVI в.)). Здесь все цитаты приводятся по Ms. lat. 1162 – доказано, что этот список, хранящийся в Арсенальной библиотеке, был создан при жизни Петра Достопочтенного и ныне считается древнейшим. Пергаментный

Если вкратце изложить сюжет переведенного Германом Далматинским текста, конечно, неизбежно упрощая его содержание, то он выглядит так. *Liber de generatione Mahumet* – сочинение, в котором рассказано о том, как нетварный божественный свет передавался от предков Мухаммада начиная от Адама через череду поколений к самому пророку. Трактат делится на несколько частей: 1) пролог (*praefatio*) в котором упоминаются сказители, передавшие традицию (иснад)⁶: от первого (Кабалахбара) до последнего (Саида ибн Умара); 2) генеалогия пророка (*De Adam usque ad Mahumet*), – рассказ о его предках, через которых передавался божественный свет – среди них знаменитые библейские персонажи, включая Адама, Еноха, Мафусаила, Моисея, Авраама и всех ветхозаветных патриархов и др. 3) и, наконец, рассказ о детстве Мухаммада (*De nativitate Mahumet*). Перед нами неизбежно встает вопрос: с какого оригинала переводил Герман Далматинский?

Ответ на этот вопрос впервые пытался дать исследовавший «Клюнийский корпус» историк Дж. Критцек. В своей известной книге «Петр Достопочтенный и ислам» американский ученый отождествил оригинал с неким текстом *Kitāb nasab rasūl Allāh* (*Книга генеалогии посланника Аллаха*), который сохранился по меньшей мере в двух испанских манускриптах [16:84]. Эти позднесредневековые рукописи (XVI–XVII вв.), включавшие тексты XIII в., написанные на альхамьядо (тексты на романском наречии, записанные арабскими буквами), хранятся в библиотеке Мадрида и цитируются в составленном М. Асино Паласиос и др. каталоге [6:44–52]⁷. В рукописи JVIII соответствующий текст на альхамьядо, посвященный Мухаммаду, называется *Tradicion de Said hijo de Omar, sobre el Nacimiento de Mahoma* (fols. 1–17), а в манускрипте JIX – *Tradicion de Said ben Omar y Caab el Ajbar sobre el Nacimiento y genealogia del Profeto* (fols. 1–15)⁸. При этом

кодекс состоит из 178 фолио, написан готическим письмом XII в., текст в кодексе расположен в две колонки, 200х60 мм. Отцифрованная рукопись получена мной из Национальной библиотеки Франции.

⁶ Так называются ссылки на рассказчиков в сборниках хадисов.

⁷ Рукописи обозначаются соответственно JVIII и JIX.

⁸ В рукописи JVIII – 458, JIX – 231. Тексты о генеалогии Мухаммада датируются сер. XIII в.

версии манускриптов J VIII у J IX содержат только иснад и рассказ о генеалогии пророка, которые видим также в первой части переведенного Германом Далматинским трактата. Откуда же могла взяться вторая часть трактата, где описаны обстоятельства рождения Мухаммада и первые годы его жизни?

Дело в том, что в альхамьядской традиции существует более обширная версия текста о генеалогии и детстве пророка ислама. Известная под названием *Libro de las luces*, эта версия была изучена по пяти рукописям и издана пуэрто-риканским филологом М.Л. Луго Асеведо⁹. В этой версии содержится не только иснад и генеалогия пророка, но и рассказ о детстве пророка ислама. Как принято считать, эта вторая расширенная версия происходит из уже упомянутого арабоязычного труда «*Kitāb al-anwāḡ*», написанного во 2-й пол. XIII в. аль-Бакри (полное имя Абу-ль-Хасан Ахмад ибн Мухаммад аль Бакри). Рукопись его произведения, хранящаяся в библиотеке Ватикана (*Biblioteca del Vaticano. Borgiano 125*), была изготовлена в Дении примерно в 1295 г. Исследователи подчеркивают, что эта рукопись по своей структуре (семичастной) ближе всего пространной редакции альхамьядской версии – легенда о мистическом свете и детстве Мухаммада изложена в ватиканском манускрипте во всей полноте [17:75–100; 26:153–155]. Что касается автора произведения, то о нем известно, что он происходил из Босры, и прославился как собиратель исторических легенд о пророке и о начале ислама [22:96–964–965; 24:96–111]. В них, и прежде всего в «*Kitāb al-anwāḡ*», обнаруживается, как полагают исследователи, связь с ранними сирами и легендами о пророке, цель которых состояла в том, чтобы приукрасить биографию Мухаммада и воздействовать на умы простых верующих[24:37].

Однако само сочинение «*Kitāb al-anwāḡ*» не является самостоятельным и оригинальным и скорее всего, как считают ученые, представляет собой обобщенную версию некоего изначального арабского текста о генеалогии и детстве Мухаммада, который циркулировал примерно с конца XI в. сначала в среде мудехаров, когда стала формироваться общность мусульман-

⁹ El libro de las luces. Leyenda aljamiada sobre la genealogia de Mahoma. Estudio y edicion critica / Ed. M. L. Lugo Acevedo. Madrid, 2008.

ских меньшинств, а в позднее Средневековье – в среде морисков [13:620]. Возможно, уже в середине XIII в. появился и переработанный вариант этого текста на альхамьядо, получивший потом название *Libro de las luces* и сохранившийся также в рукописях XVI–XVII вв. Стоит отметить, что это сочинение было чрезвычайно важно для самосознания мусульман. Ведь помимо того, что в нем отражена генеалогия пророка, оно передает рассказы о рождении и детстве Мухаммада, что придавало тексту особую эмоциональную окраску. Распространенная в альхамьядских источниках легенда о передаче божественного света пророку была чрезвычайно популярна среди мусульманских меньшинств Испании. Эта легенда прославляла не только предков пророка, но и всех мусульман, и благодаря этому их родство приобретало скаральный характер и приближало их к Богу. Тем самым они все приобщались к славному прошлому. Известно, что, например, *Libro de las luces* читали вслух в день рождения пророка, а стало быть, текст можно отнести к жанру «мавлид», к которому причисляют разного рода панегирические поэмы, посвященные рождению и детству пророка. Удивительно, что при этом на *Libro de las luces* довольно мало ссылок в современных памятниках источников – может быть, потому, что текст нельзя назвать продуктом интеллектуальной культуры и его скорее следует отнести к жанру народной литературы [15:152–160]. С другой стороны, не исключено, что это сочинение вообще предназначалось для криптомусульман, которые благодаря нему сохраняли свою идентичность – ведь записанные непонятной для их противников арабской вязью тексты идеально подходили для этой цели.

Итак, на вопрос об арабском оригинале трактата Германа Далматинского пока сложно дать какой-либо четкий ответ, но в целом вырисовывается следующая картина: видимо, изначально существовал некий *Urtex*t – арабский текст, запечатлевший легенду о происхождении и детстве пророка ислама, и этот текст впоследствии оказался чрезвычайно важным для укрепления мусульманской идентичности. Он был в самом начале передан на арабском (видимо, таких вариантов было несколько), а затем переведен на альхамьядо; за расширенной версией этого текста в передаче аль-Бакри закрепилось название *Kitāb al-anwār*, точно

так же, как за происходящей от него альхамьядскимой версии – название *Libro de las luces*, хотя, быть может, первоисточник так и не назывался.

Для того, чтобы понять содержание переведенного Германом Далматинским текста, оценить оригинальность этого сочинения, а также качество его перевода, следует, как мне представляется, сопоставить *Liber de generatione* и все упомянутые здесь версии текста о генеалогии и детстве пророка ислама. Для этого необходимо также осуществить последовательный сравнительный анализ разных частей трактата, вошедшего в «Клюнийский корпус».

Как мы помним, первая часть переведенного Германом Далматинским трактата – это пролог, в котором перечисляются люди (*auctores*), передававшие предание о пророке ислама – т.н. иснад. Среди них первым назван Кабальяхбар (известный персонаж), а последним *Zaid Abuhumar* – Саид ибн Умар, о котором мы ничего не знаем («*cuius auctores per ordinem, primus Kabalahbar (...) postremus filius Zaid Abuhumar*», fol.11rd) (Рис. 1). Насколько оригинален этот раздел?

В рукописи Ms. lat. 1162 пролог начинается с рассказа в третьем лице о том, как еврей из Йемена Кабальяхбар узнал, что Священное Писание и астрология сошлись в предсказании появления великого пророка. Получив сведения о том, что в те же самые дни в Ясрибе родился отмеченный Провидением младенец, Кабальяхбар поспешил туда понаблюдать за новорожденным и обнаружил у него на теле знаки (*corporeis notae*) – отметину на лбу и печать между лопаток.¹⁰ И эти знаки, как явствует из пролога к *Liber de generatione*, были доказательством пророческого дара Мухаммада.

Кто же такой Кабальяхбар, о котором упоминается в связи с рождением исламского пророка. Это известная историческая фигура. Еврей из Йемена, обращенный в ислам около 638 г., он иногда причисляется к товарищам пророка. Видимо, Кабальяхбар был тесно связан с халифом Умаром ибн Хагтабом, которого сопровождал в Иерусалим в 636 г. Кабальяхбар был автором ветхозаветных комментариев, весьма влиятельных в исламской

¹⁰ Ms.lat. 1162, f.11rd: “in fronte maculam inter scapulas omnimodi karacterem hunc ipsum <Mahumet> esse plane deprehendit ”

традиции и важных для установления текста Корана в эпоху халифа Османа [23:316–317]. Именно он назван первым в ряду передатчиков традиции, хотя его история, как мы видели, ведется рассказана от третьего лица. Имея это в виду, мы не можем не задаться вопросом о том, не возник ли пролог в результате дополнения, сделанного переводчиком? На этот вопрос помогает предпринятое О. де ла Крусом сравнение пролога трактата с прологами в рукописях JVIII и JIX. В результате анализа было выяснено, что передача имен в *Liber de generatione* и в рукописях альхамьядо совпадает – Саида бен Умара и Кааб аль Ахбара из манускриптов JVIII и JIX можно отождествить с “*filius Zaid Abuhamar*” и “*Kabalahbar*” из рукописи трактата *Liber de generatione*¹¹. Сравнительный анализ содержания трех прологов показал, что все три рукописи содержат примерно одинаковое вступление к основному рассказу и что в *Liber de generatione* оно не могло быть привнесено Германом Далматинским, а значит, изначально содержалось в оригинале, с которым имел дело переводчик.

Вторая часть трактата, вошедшего в состав «Клюнийского корпуса», посвящена генеалогии Магомета. Именно здесь передается легенда о передаче божественного света пророка. Вот как она вкратце излагается в рукописи 1162 трактата. Когда Бог создал Адама, он сказал ему о «зерне света» (*lucis semen*), которое «светится как солнце в своей орбите и как луна в ясную лунную ночь» (*tanquam sol in rota circuli sui aut luna in nocte plenilunii*, f.11rs). Этот свет воссиял на лице Адама, а когда Ева зачала Сифа, свет перешел на него и так «Господь провел грань между ним и сатаной» (*posuitque Deus inter infantem et Sathanam terminum quem transire nequiret usque ad septem annos*, f.11vd). Чувствуя приближение смерти, Адам привел Сифа к месту молитвы и объяснил значение света. Адам молил Бога запечатлеть завет между ними, что и было сделано в присутствии 70 тысяч ангелов. После смерти Адама жена Сифа (его сестра) родила Еноха, которому отец велел «сохранять и распространять свет с

¹¹ В «*Libro de las luces*», изданом М.Л. Луго Асеведо памятнике, упомянуто только имя Кабальхбара. См.: *El libro de las luces. Leyenda aljamiada sobre la genealogia de Mahoma...* P. 99.

достоинством и почитанием» (*decretum predicat seruandi luminis et propagandi cum dignitate et reuerentia*, f.11rs). Свет начал передаваться из поколения в поколение. От Еноха свет перешел на его сына Мафусаила, а затем через Ноя и его потомков к Аврааму. В момент рождения последнего два мощных потока света, прорезавшись на западе и востоке, сошлись в центре мира, и ангелы объявили, что это свет пророка Мухаммада (*lumen prophete Mahumet*), а Бог сообщил Аврааму: «Из семени твоего выйдет мой друг и посланник, чья душа смешалась с твоей в первом творении душ, чье слово есть моя сила, чьи имя на небесах Ахмад, на земле Мухаммад и в раю Абу аль-Касим»¹². Затем свет перешел на Измаила, а потом на его сына Кедара, одаренного семью дарами – он «могущественный, храбрый, быстрый, невозмутимый, охотник и стрелок» (*ualidus, audax, pulcher, uelox, eques, uenatore, sgittarius*, f.12rs). Кедар покинул свое отечество, получив приказ во сне жениться на единственной дочери арабского короля (12rd). Его сын сопровождал его в «святилище Авраама» (*sanctuarium Abrahe*) в Мекку, но по пути ангел смерти посетил Кедара и «забрал его душу через ухо» (*angelus animam per aurem eripit*, f.12vd).

Далее пророческий свет переходит на непосредственных предков Мухаммада. Первый из них – Абдеменэф (Абд-Манаф-ибн Кусай – прапрадед пророка) – «могущественный правитель четырех сторон света» (*regem potentem per quatuor mundi partes*, f. 13rs), чей сын Хашим получил предложение дочерей всех правителей мира включая императора Константина, но предпочел жениться на арабке. Сыну Хашима Абд аль-Муталибу было всего 15 лет, когда умер его отец, и уже в раннем возрасте мальчик был облечен религиозными и политическими обязанностями отца. Божественный свет играет важную роль в двух длинных рассказах, связанных с Абд аль-Муталибом. В первом из них описана продолжительная засуха, которая сменилась дождем после того, как воссиял свет с лица Абд аль-Муталиба.

¹² Ms. Lat, 1162, f.12rd :«ex semine tuo nascituri amici et nuntii mei est, cuius anima in prima animarum creatione anime tue permixta est. Cuius uerbum in uirtute mea, cui nomen in celo Ahmet, in terra Mahumet, in patadiso Abulkazim».

Во втором рассказе описаны попытки завоевать Мекку Абрахой, абиссинским наместником Йемена (13^{vt} – 14^{vs}), войска которого побеждены благодаря свету пророка Мухаммада – тем самым совершается божественное возмездие (*ultio diuina*).

В момент рождения Абдаллы, младшего сына Абд аль-Муталиба происходили разные чудеса, предвещающие, что он станет отцом великого пророка. Так, в это время начало сочиться обгоренное кровью Иоанна Крестителя (*Johannis filii Zacharie*) белое шерстяное полотно (f.14rd). Несколько раз Абдаллу пытались лишить жизни: сначала сборище магов и гаруспиков (*multitudo magorum et aurispicum*), а потом 70 еврейских разбойников, вооружившись отравленными мечами, отправились в Мекку с целью его убийства (*arreptis ergo septuaginta gladiis toxicatis, partier omnes Meccam proficiscuntur*, f. 14^{vs}), но его защитили не то люди, не то духи. Абдалла женился на Амине и в момент зачатия будущего учителя мусульман Бог призвал Ридвана отворить ворота рая, дабы «свет пророка Мухаммада наконец-то вышел в мир» (*ut lumen prophetae Mahumet ipsum tandem in mundo prodiret*, f.15rd). В этот момент Абдалла, направлявшийся в святилище помолиться, увидел над своим домом огромный сноп света, который взвился в небеса (*lucem magnam in celum efflamare*).

Изложенная на страницах переведенного Германом Далматинским трактата легенда о нисхождении мистического света запечатлена, как мы выяснили в рукописях *JVIII* и *JIX*, где текст передан в краткой редакции, а также в пространной редакции – *Libro de las luces*, происходящей из сочинения аль-Бакри. Сравнив отдельные пассажи всех этих манускриптов, О. де ла Крус сделал вывод о том, что рассказ о генеалогии в рукописях *JVIII* и *JIX* в общих чертах весьма схож с таким же рассказом в первой части *Liber de generatione* и *Libro de las luces* [13:609–616], однако альхамьядские версии легенды «свете Мухаммада» более обширные и пространные, что заставляет предположить, что все они имеют какой-то общий источник, скорее всего арабский.

Насколько обоснованы эти предположения, покажет анализ *De natiuitate* – последней и самой важной части трактата «Ключнического корпуса», в которой, собственно, и рассказано о рождении пророка ислама и первых годах его жизни (f.15^{vd}–18^{rs}).

В дальнейшем я и попытаюсь, восстанавливая по рукописи из Арсенальной библиотеки описание первых лет жизни Мухаммада, сравнить раздел *De natiuitate* с текстом *Libro de las luces*, восходящим к сочинению *Kitāb al-anwār* аль-Баكري. Понятно, что в этой части переведенного Германом Далматинским трактата мы встретим немало общеизвестных фактов и эпизодов из жизни пророка, которые потом вошли в хасиды и стали очень популярными – это обстоятельство усложняет оценку меру оригинальности текстов. Но все же попытаемся выяснить, насколько близки по содержанию *Liber de generatione* и *Libro de las luces*. Видимо, чтобы определить степень их родства, необходимо ответить на несколько вопросов: во-первых, те же ли самые предания рассказаны в латинской и испанской версиях, в той же ли последовательности они передаются и встречаются ли в пассажах или пусть даже во фразах обоих сочинений буквальные совпадения.

Просматривая *Libro de las luces*, можно сразу же заметить, что 6-я и 7-я главы этого сочинения по содержанию ближе всего к тексту Германа Далматинского. С ними мы и будем сравнивать раздел *De natiuitate*. Следует заметить, что повествование выстривается на основе нескольких свидетельств: матери пророка Амины, его деда Абд-аль-Муталиба, его двоюродного брата ибн-Аббаса и кормилицы Галимы. Это последнее свидетельство, резко отличается от остальных, напоминая по стилю хадисы. Оно самое большое по объему и в свою очередь состоит из нескольких частей, о которых речь впереди. Итак, рассмотрим по порядку отдельные свидетельства, из которых состоит последняя часть трактата из «Ключейского корпуса»

I. Раздел открывает свидетельством Амины. Мать будущего пророка сообщает о том, что в момент рождения ее сына происходили самые разные чудеса. Об одном из них она сообщает довольно подробно (15vd-15vs). Вот ее рассказ. Как только Мухаммад появился на свет, пришли три мужа с «сияющими как солнце лицами» (*faciebus tanquam sol radiantibus*). Один из них – как выясняется потом, это был Ридван (стражник рая) – взял изумрудный таз с жемчужными ручками и со словами: «Вот мир и его корни. Здесь восток, здесь запад, здесь юг, здесь север. Посмотрим, что он возьмет» – протянул его младенцу. Тот зачерпнул из середины, и Ридван сообщил, что благодаря Богу Мухам-

мад получил «алькаабу» (Каабу) и «абалькиблу» (киблу) и будет властвовать над всем миром. Далее Ридван, взяв небольшой кувшин у второго мужа, семь раз омыл младенца, после чего, развернув полученное у третьего мужа полотенце, поставил печать (карагерем) между лопаток новорожденного. После этого, поместив ребенка на крыло, Ридван шептал ему на ухо слова, которые никому не были слышны.

Примечательно, что этот эпизод передается в обоих сравниваемых нами сочинениях примерно в одних и тех же выражениях, и совпадения между текстами в этих пассажах подчас почти буквальны, при том что текст в *Libro de las luces* более пространственный.

<i>Liber de generatione,</i> f. 15vd–15vs	<i>Libro de las luces,</i> p.323–324
<p>Secuntur tres uiri, faciebus tanquam sol radiantibus. Quorum primus peluem smaragdinam cum quatuor ansis margariteis continentibus proponens ait. Hic est mundus iste et cardines eius. Hic oriens, hic occidens, hic meridies, hic septentrino. Uideamus quam partem capiat. Illo totum e medio capiente, ait. Quia recepit Mahumet alkaaba per Dominum celi et terre et Abalkibla toti mundo imperabit. Capiensque urceolum ex secundo infantem septies lauit. Deinde manutergium ex tertio. Euoluensque sigillum inter scapulas eius suprascriptum karakterem impressit. Tum. assumens eum inter alas. affixo ore in aurem longum fudit susurrum nemini auditum.</p>	<p>Diyšo Āmina: Yo eštándome marabiyada, bi benir tereš konpañeroš ke penšé ke el šol šaliya de šuš ferentes, i-y-en el mano đel-uno un aguwamanil de palata ke oliya đel olor de almiskī, i-y-al otro, un basín đe pelrra berđe kon kuwatro rrinkoneš: en kađa rrinkón teniya una pieydra peresiyoša balanka. I oí uno ke diyšo: “Esta eš l-adunya toda, šalliyente i poniyente, i mareš i tyerraš. Ašiyentate, yā amiyo đe Allah, đonđe kiyeraš en-ella”. I miré a đonđe ašentariya en-el bašin, i bi ke ašento en međiyo, i oí al-uno đ-elloš: “Ašentado a Muħammad en Makka, i eš ke Allah še l-á puwešto moraða i-y-alquibla”. I biđ en la mano del teršero un paño de šeđa balanka enbuwelto, i-y-eštendiyólo i šakó đ-el un šillo ke tiraba la bišta al ke lo miraba. I luwego tomaron a mi fiyó i tomólo el del basín, i-y-mirándolo, i labólo kon-el-aguwa del aguwamanil šiyete begadaš. I luwego šalliyó kon akel šillo entere šuš ešpaldas una šilladura šola, i-y-enbolbiyólo en la šeda, i tomólo el-otro i púšolo debašo šu ala.</p>

II. Следующий пассаж в разделе – свидетельство Абдальмуталиба (*Attestatur et avus Abdalmuttalib*). И этот же пассаж мы находим в *Libro de las luces*. Согласно латинскому тексту Абдальмуталиб молился в святилище (*alharam*), когда услышал сильный шум и, испугавшись, тотчас почувствовал прикосновение крыльев ангела, ободряющего его. А затем раздался мощный глас, трижды повторивший, что «всемогущий Господь Магомет» очистил святилище от идолов и религиозных чистот.

Более подробно и с добавлением других деталей излагает то же самое текст на альхамьядо. Так, во время молитвы Хубалу Абдальмуталиб увидел, как от идола отваливается камень, а затем некий голос сообщил о рождении Аминой Мухаммада. Как рассказывает *Libro de las luces*, Абдальмуталиб был напуган тем, что творится с идолами: он не знал, спит он или бодрствует (*ši duwermo o ši estoy ešpiyerto*); ему казалось, что находящиеся у Мекки вершины холмов Аль-Марфа и Ас-Сафа сотрясались и со всех сторон он слышал воззвания к нему: «Эй, предводитель корейшитов! Чего ты испугался? Все, что ты видел, делает Аллах для возвеличивания твоего внука».

<i>Liber de generatione</i> , f.15vs	<i>Libro de las luces</i> , p. 325-326
Attestatur et avus Abdalmuttalib, quod cum esset in oratione fibeit alharam, idolum Habel adorans. repente insonante ualido fragore perterritus est. Нис. инquit. astitit uir alatus, alarum attacktu perterritum confortans. Interea vocem magnam audio, ter repetita. Deus maior Dominus Mahumet omnipotens. domumque ipsam his uerbis intonantem. Nunc emundauit me Deus ab idolis omnique eorum spurcitia.	p. 325 Diyšo /ʻAbdu Almuṭalib: “I yo mirando el ídolo mayor, biy kómo kayó šobre una piyedra de kara. I oyíy una boz le dišo: “Ya eš parida Āmina a Muḥammad, šala allāhu ‘alāyhi wa salam”. p. 326 I dišo ‘Abdu Almuṭalib: “De ke bi / la kaša i lo ke faziyan las idolaš, ešpantéme i limpiyaba / miš oŷoš, ši duwermo o ši estoy ešpiyerto”. I fuweme / a laš begaš i biy las tor[r]es de biy laš torreš de Almarwā i de Alššafa ke teremolaban, i kalamándome de todaš parteš: «j Yā kabdillo / de Qurayšši! ¿Komo eštáš ešpantado? Ke todo lo ke aš [bišto es] / por engarandesimiyo a tu fiyo eš de parte de Allāh... »).

Ошеломленный увиденным и услышанным, Абдальмуталиб поспешил домой, горя желанием увидеть свою невестку. В латинском тексте он при виде нее изумляется, заметив, что с ее лица сошел мистический свет. Она же заявляет, что свет переместился на лицо рожденного ею сына. Абдальмуталиб принимает ответ за насмешку – ведь никто не помогал ей во время родов. Но невестка говорит, что в этот момент рядом с ней были «penates». Когда Абдальмуталиб изъявляет желание посмотреть на внука, Амина сообщает, что в течение девяти дней кому-либо из людей смотреть на новорожденного младенца запрещено. Разгневанный ответом, дед хватается за меч, и Амина вынуждена отступить. Но когда Абдальмуталиб хочет войти в покои, где лежит ребенок, некий «грозный муж» (*vir terribilis*) преграждает ему путь мечом. Устрашенный Абдальмуталиб обращается в бегство и на семь дней лишается дара речи.

Не меняя канву повествования, *Libro de las luces* добавляет к этому рассказу множество деталей. Как и в *Liber de generatione*, Абдальмуталиб требует показать внука, а когда получает отказ, обнажает меч и грозит невестке. Он пытается войти в покои, где находится маленький Мухаммад, но «муж, страшнее которого не видывал» (*onbere ke no lo bi máš espantible*) с мечом в руке стоит у него на пути. В отличие от латинского, испанский текст воспроизводит диалог между «грозным мужем» и Абдальмуталибом. В ответ на отказ небесного посланника показать ребенка дед заявляет о своих правах родственника. И тогда муж сообщает, что в ближайшие три дня никому среди людей и народов не разрешено лицезреть божественного младенца, пока не совершится визит к нему «ангелов небесных» (*loš almalakeš de loš siyeloš*).

<i>Liber de generatione</i> , f. 16rd	<i>Libro de las luces</i> , p. 327–329
<p>His attonitus ad uisendum nurum properat. Pulsat, aperitur. Uisa nuru. Quid. inquit o nurus optima. quid uides. Dormio an uigilo. Nurus. Uigilas sane. Et ille. Ubi est ergo splendor faciei tue. cui illa. In nepote tuo. Iam enim peperit. Socer. Ludisne me. Nam nec uerisimile est quod dicis. Nullum enim signum partus in te comparet, preter splendoris absentiam. Cum presertim nec parturientis solatium. nec partus auxilium aliquod. sola relicta uideam. At illa. Per domus inquit huius penates peperisse me non dubities. Et ille. Ubi est ergo. Demostra ut uisendum adeam natum. Cui nuru. Nec hodie uidere temptes, quin certus abeas his nouem diebus humanis uisibus prohibitum. Hic ille exerto gladio. Aut tu inquit iam uidendum dabis, aut ceruicem huic gladio aut ego quidem ut utrique satisfaciam in me ipsum hunc gladium conuertam. Mulier uicta illic esse digito assignat. Ille irrumpens ut penetralia adire parat. uir terribilis obuius opposite ense aditum pronibet uiso. Territus in fugam conuertitur impedito lingue officio per septem dies.</p>	<p>p. 327 Dišele: “Puwe[š], ĩ ké eš de la luz de tu kara?” Diyšo ella: “Šoy parida”... Diyšo ‘Abdu Almuṭalib: “Puweš, / deme a Muḥammad,...i beyerlo é”. Diyšo / Āmina: “No lo puwedeš ber oy”...p.328 ...a ešta ora šakó su ešpada ‘Abdu Almuṭalib (a Āmina), i diyšo : « Šakalo o fešme a šaber d-él, ši no yo te mataré /o me mataré »...p. 329 : Diyšo ‘Abdu Almuṭalib : «I fuwe a la kánbara i kišo entrar a él, i bino de dentro de la kánbara un / onbere ke no lo bi máš espantible k-él, i-y-en šu mano / [teníya] una ešpada... Diyšome :«ĭ A dónde baš ? » Dišele : / « A beyer a miy fiyo ». Dišome : « No lo puwedeš beyer tú ni nunguno / de laš ýenteš ». Dišele : « Yo lo debo beyer máš ke / nunguna perešona, ke eš mi fiyo ». Dišome : „ Abšentado šera de las ýenteš i todaš laš nasiyoneš / d-akíy-a ke še kunpla la bešitasyon de loš almalakeš, / ke a loš almalakeš de loš siyeloš bešitan agora šu be-šitasyón, ...i no še / akabará šu bešitasyón d-akíy-a tereš diyaš».</p>

III. Следующее свидетельство – ибн-Аббаса (двоюродного брата Мухаммада) в латинском тексте, как и в *Libro de las luces*, расположено сразу после рассказа Абдальмуталиба. Ибн-Аббас сообщает, что после рождения пророка собираются все твари и природные стихии – птицы всех видов, облака и ветры со всех концов мира, а также сонмы ангелов, и все вместе обсуждают, как воспитывать божественного младенца. Птицы говорят, что соберут для него прекрасные плоды, ветры обещают насытить его запахами всего мира, а облака – напоить сладкими водами.

Но ангелы говорят, что сами позаботятся о маленьком Мухаммаде и доверяют его выкармливание Галиме из племени Бану-Сад.

Такое же собрание всех стихий и тварей мира происходит и в *Libro de las luces*, где рассказ об этом как всегда более пространственный, и кроме птиц и облаков есть еще звери, горы и деревья, хотя отсутствуют ветры. В тексте на альхамьядо выкармливать младенца предлагают облака, которые, как говорится в памятке, знают, где найти деревья с хорошими плодами и прекрасные источники (buwenas fuwenteš); птицы же обещают доставить ему на своих крыльях все удовольствия мира и пр. Хотя пассаж в обоих текстах передан по-разному, все же есть и буквальные совпадения (они выделены жирным шрифтом).

<i>Liber de generatione</i> , f. 16rd–16rs	<i>Libro de las luces</i> , p. 330–331
<p>f.16rd Hic igitur ut Ibenabez asserit. certatim conueniunt omnem aiium genus, tum nubes et uenti ex omnibus mundi partibus, postremo et cetus angelici pro educatione infantis altercantes. Dicebant enim aues se commodiores esse nutrimento infantis pro eo quod diuersis fructibus congerendis faciles sint. Dicebant uenti. Immo nos potius qui totius mundi odoribus f. 16rs eum replere possumus. Dicebant nubes. Quin immo nos commodissime quibus omnium aquarum dulcedinem ministrare promptum est. Indignati angeli aiunt. Ad quid hec. Nobis hec cura supersit. Litem compescuit uox diuina dicens. Non auferetur manibus hominum. Nam beata ubera que sugget. beate manus quibus tractabitur, beata domus et cubile eius. Iniunxitque Deus curam hanc et officium Halime filie Dueib Azadi...</p>	<p>p. 330 I kištīyoniyáronlo los monte[š] i loš arboleš i laš abeš i laš alimañaš, kuwál lo kiriyariya. I deziyan las nubes : ‘Noš abemoš máš rrazon de kiriy[a]rlo, ke noš andamoš en-e-/l-ayre entre siyelo i tiyerra; p. 331 lebarlo emoš por toda l-adunía [mundo] šu anazeha [excursión] [I palazerš] ke konosemoš los buwenoš árboleš i buwenaš frutaš, / i komerá d-ellaš, i laš buwenas fuwenteš, i beberá d-ellaš, / i darl-emoš del-awa agarasiyada del-al’arš». Diyšeron los almalakeš : «Noš abemoš máš rrazon de kiriyarlo, i máš / onrra i-y-enšalsamieyento a onrra de nuweštoro šeñor». Dišeron laš abeš : «Nošotoroš lo kiriyaremoš i lo lebaremoš / šobre nuwešaš alaš a todoš los bisiyoš del mundo». I oyeron un kalamador ke dišole : «[De]šabdoš šeyer, ke tiyene / Allāh ordenado ke a de šeyer kririyado por mano de Jalima, / fiya de Abi Duwaybbi Alsagriā» .</p>

После свидетельства ибн-Аббаса следует рассказ Галимы, который составляет самую длинную часть «De natiuitate» и которому есть параллели в 7-й книге *Libro de las luces*. Как уже говорилось, этот раздел переведенного Германом Далматинским трактата выделяется своим стилем: в нем много прямой речи, он написан более простым и живым языком и близок народным преданиям. Обратимся к первому рассказу Галимы.

IV.1. Итак, в самом начале своего свидетельства кормилица будущего пророка рассказывает о страшной засухе, поразившей Аравию в год рождения Мухаммада и о видении, которое ей было вскоре после того, как она разешилась от бремени, родив сына. В латинском тексте Галима передает, как некий муж подвел ее к реке «белее молока, слаще меда, приятнее фиалки и нежнее масла» (*lacte candidius, melle dulcius, croco suauius, butyro blandius*) и трижды велел ей напиться из этого источника, после чего приказал идти в Мекку и там молча нести свою службу, где ее ждут «благодать и обильные блага» (*gratiam et ampla beneficium*). Он предсказывает ей, что в полнолуние она вернется оттуда окруженная славой. В беседе с Галимой муж объясняет, что ее видение – милость Бога, которая проявляется в посылаемых ей наказаниях. В конце разговора ангел касается груди Галимы и обещает, что у нее будет много молока и что она получит благословение Бога. Почти в тех же словах (есть даже буквальные совпадения) этот рассказ изложен в *Libro de las luces*, где вместе с тем больше прямой речи, чем в латинском тексте.

<i>Liber de generatione, 16rs–16vd</i>	<i>Libro de las luces, p. 341–342</i>
<p>Nec longe post partum ecce in uisione sompnantem me uir ad flumen perducit lacte candidus, melle dulcius, croco suauius, butyro blandius, unde bibere iubet ut implear lacte et beneficio. Cumque bibissem, monet denuo. Cumque bibisset, cogit tercio. Post hec conuersus in me nosti ne me ait. Respondi non. Tunc ille. Ego sum. inquit. gratia quam agere Deo non intermisisti in omni affectatione tua. Mando igitur ut Meccam pergas. Inuenies enim illic gratiam et ampla beneficia. Unde cum integro splendore tanquam plenilunium redibis. omniaque hec silentio seruabis. f. 16vd Tunc manu sua pectus meum tangens ait. I cum gratia Dei. Det tibi Deus et lactus abundantiam et beneficionem.</p>	<p>I bino una perešona I lebóme d-ikiya-a /ke me lansó en-un rriyo de aguwa [máš kalara k-el kirištal i] máš balanka ke la niyebe, / i máš dulce ke la miyel, i máš aguda de olor ke almiske, / i díyšome: “Bañate en-ešte rriyo”. I bañéme. I díyšome: ”Bebe / del-awa i-y-amuytiguwará Allāh tu ley”. I bebíy. “Bebe más”. / I bebí máš, I tornéme do m-eštaba, i díyšome: “Yā Ḥalīma, bete / a laš begaš de Makka ke tú abráš en-ellaš arrisque, ke muyto / tornaráš millor ke muler ke allá baya. I šeráš de buwena ben-/tura kon la luz rrešpalandesiyente i kon la luna p. 342 rreluzieynte, / bendita, i bendizida...I luwego / i dišome: “No me konoseš?” Diše yo: “No”. Diyšo: “Yo šoy la lowasiyón / ke tú loabaš ada Allāh en tu peretura i-y-en tu folgura i-y-en todoš / tuš feytoš i-y-estadoš. Bete kon bendisiyón ». I de-/šóme I fuweše, i partiyendo de mý diyóme kom šu mano, i dí/šome: “Bete, amuytéwete Allāh el-arriske i la ley, i-y-arriyédrete / de laš okašiyoneš”</p>

IV.2. Далее в обоих текстах Галима описывает, что случилось после видения. Как повествует латинский текст, Аравия в это время погибала от голода – по деревням слышны были стоны страдающих от голода, «земля была сухая, не было никакой зелени, даже на деревьях не было листвы, не говоря уже о цветах», и «из-за сильной засухи не было даже слез». Так же рассказывает о голоде и *Libro de las luces*. С Галимой же после того, как ее посетило видение, произошли, как говорится в обоих текстах, внезапные перемены: «молоко лилось из груди», она располне-

ла и стала цветущей и «выглядела как дочь короля». Люди не узнавали в ней прежнюю изнуренную голодом женщину – они приходили «посмотреть на нее как на чудо». В *Libro de las luces*, которая передает беседы кормилицы с женщинами Бану-Сада, Галима объясняет перемены благосклонностью Бога к ее сыну. Одно и то же предание излагается и на латыни, и на альхамьядо, но в испанском тексте более многословно и с цитатами из диалогов.

<i>Liber de generatione</i> , f. 16vs	<i>Libro de las luces</i> , p.342-344
<p>His expergefacta plenam me et integram repperit. Lacte ex uberibus meis in modum kanalis profluente...Gemebat omnis domus, nec audiebantur per uicos, nisi tamquam egrotantium uoces. Deerant et lacrimae intense siccitate. Nec mirum, omnis enim tellus arida, omni uirore carebat, arbores nedum floribus immo etiam frondibus nude. Ipsi etiam montes et silue gramina ignorabant. Inter hec hisque similia me subita commutatione et habitudine plena et colore integram, mirandum omnis populis accurrit. Id ualde stupentes, quod cum externo die fame consumpta nec homo uiderer, hodierno deliciis affluens, uidetur filia Regis.</p>	<p>p.342 I-y-ešperteme /no podiya tener miš tetaš ke paresiyan barkinoš korry[ye]ndo leŷ... p. 343 I oíya alderredor de míy do kieyre k-eštaba / šušpiroš i dolensiya de la garan fortaleza de la fanbere, / i-y-elloš le poloraban i no podiyan šakar lağrimaš de šuš oŷoš de la gran šekedad...Diŷo Ĥalīma: “I-y-aserkábanme muŷereš i onbereš / mirabilládoše de míy, ...i deziyan: “¿Ké koša eš ešta? Ayer te partiš / de nošotoroš tan falaka i kon máš enguštíya i fanbere / ke nošotoros, í-y-aš amanesido guruweša i bisiyoša / i fermoša, pelenas tuš tetaš de leŷe ke [paresen barkinoš, i tú] paresē fiŷa de rrey?...p.344¿De dó te bino tan garan biyendisiyón?” Diŷyo Ĥalīma: “...Esto eš por la bendisiyón de mi fiŷo“. I ibanšen de [míy] kon garande enbidiya, i beníyan las ŷenteš a beyerme komo a garan milagro...</p>

В то время, как свидетельствует Галима, когда женщины бедуинки в поисках трав направились к Мекке, глашатай провозгласил, что Господь Бог запретил рождение на западе и востоке в течение года людей и демонов из-за появления одного-единственного в роде корейшитов, которого он называет «солнцем

дня» (*sol diei*) и «луной ночи» (*luna noctis*), глашатай призывал женщин Бану-Сада поспешить в Мекку и взять новорожденных на воспитание – так об этом говорится в *Liber de generatione*. В *Libro de las luces* воспроизводится речь глашатая, с которой он обращался к народу Бану-Сада – в ней он сообщал, что имя родившегося будет жить в века, его свет воссиял в Мекке, а его благословение снизошло на весь народ, и что блаженны будут те, кто вскормят младенца.

<i>Liber de generatione</i> , f.16vd-16vs	<i>Libro de las luces</i> , p. 344-345
<p>f.16vd Itaque die quodam ego et plures alie cum in partem Mecce ut solebamus querendis graminiibus exiuissemus. audiuius simul omnes preconem uociferantem quod Deus altissimus et benedictus per totum illam annum ad oriente usque in occidentem interdixerit omnem partum tam hominum quam demonum. causa unius qui natus est in Alchorais. ipse sol diei et luna noctis. Accurrite ergo mulieres de Benizar. et inuenietis f. 16vs filios nutriendos.</p>	<p>p.344: Diyšo Ḥalīma: I-y-a pokoš dīyaš oyeron en miy puweblo de Banī / Sagad (sic) un kalamador ke dezīya... : «¡Ya loš Banī / S'ad! De buwena bentura šeréyš kon-el kiriyari del nasido / agarasiyado. Šu lonbarasiyón eš en los siyeloš, i-y-el eš / en Makka k-eškalarése šu luz la eškuredad... Biyenabentura-/d[a]s šerán laš tetaš k-el mamará,...i kaša ke še kiriyari, k-eš šol del dīyya i luz de la p. 345 noŷe.... Šu bendisiyón es šobre bošotoroš / desendido i šu bien pelegado...</p>

Услышав воззвание глашатая, женщины Бану Сада и Галима в их числе направляются в Мекку. Путь туда описан в обоих текстах. Во время перехода через горы из долины выходит муж с блестящим шестом, который, ударив им ослицу (после чего она обретает резвость), призывает Галиму идти мирно и благополучно в Мекку ради исполнения явленной ей в видении воли Бога. Он сообщает Галиме, что Господь поручил ему охранять ее во время пути от всякого дурного человека или злого духа. Супруг же Галимы Аль-Харис не видит и не слышит того, что та способна узреть внутренним зрением. Латинский текст и памятник на альхамьядо примерно одинаково описывают эпизод явления посланника божьего Галиме и его речь.

<i>Liber de generatione</i> , f. 16vs	<i>Libro de las luces</i> , p.347
<p>Peruenimus e monte in uallem et ecce uir, in manu sua telum splendidum quo percutiens asinam super uentrem. Ait. Perge iam o Halima cum pace et salute ad effectum uisionis tue. Precepit mihi Dominus ut custodiam te ab omni homine malo et omni spiritu maligno. Appello coniugem. Audisne et uides que audio et uideo. Ille. Quid habes. pauida. Tecum esto. Audiamne et uideam ubi nec uox sonat nec corpus adest.</p>	<p>Diyšo Ҳалима: I yo beyendo en-esto, šalliyō a miy de la ššahar entere los doš monteš un onbere largo komo datilera, / i-y-en šu mano un berdugo... «Bete, / yā Ҳалима, kon šalbasyōn, ke mandado me tieyne el piya-/došo k-ešhiye de tú todo alšaytān». I diše a mi marido / Alḥarīḥ: “¿Beyes ioyes lo key o oygo I beo?” [Diyosome el]: “¿Ke eš /ke parese le ayas miyedo?”</p>

Дальнейшее повествование также весьма сходно в обоих текстах. Галима и аль-Харис они прибывают к дому Абдальмуталиба. Все женщины Бану-Сада уже получили всех младенцев на воспитание, остались только Галима и внук будущего пророка, который, согласно латинскому тексту, отверг всех кормилиц, а в *Libro de las luces* кормилицы его не взяли, поскольку он был сиротой. Дед Мухаммада призывает Галиму, и между ними начинается беседа, в которой Абдальмуалиб рассказывает о своем внуке-сироте и просит Галиму взглянуть на него; та обещает это сделать, но прежде хочет посоветоваться с супругом. Сравним рассказы в обоих памятниках, дабы убедиться в их близости:

<i>Liber de generatione</i> , f.17rd	<i>Libro de las luces</i> , p. 348–349
<p>Audioque preconem quem iecerat Abdalmutalib. Si superstes est aliqua de mulieribus Benizat. ueniat. Et ueni. Et. respiciens, Abdalmutalib rogat. Cuius es Responde. De Benizat. Et ille. Quid tibi nomen. Ego. Halima. Hic ille. Pape. Inquit. Zaad et Helin. duo omina in una responsione. Et mihi nepos orfanus nomine Mahumet qui tam omnes alias repudiauit. Ueni uidere. Faciam. Inquam. si prius coniugem consuluerim.</p>	<p>p. 348 I-y-enkonteréme / kon ‘Abdu Almutalib ke beniya diziyendo: “¿Ay alguna / de laš armaš sin kiriyado?” I yo fuweme a él e dišele: “¿Šiy, señor”. I dišome: “¿Kiyé[n] eš tú?” Dišele: “Yo šoy muýer de Banī Sa’ad ». I dišome: “¿Kómo eš tu nonbere?” Diše yo: “Ҳалима”. I...diyšome: “Yotengounniño p. 349 wérfano, chiko, ke lo kalamam Muḥammad, – I yo elo kešido dar a kiriyar a laš muýereš de Banī Sa’ad / i no an kešido tomarlo diyizendo pork-eš wérfano...¿Kerrášlo tú kiriyar? .../ Dišele yo: “Fablaré kon mi marido”.</p>

В соответствии с обоими текстами двоюродный брат Галимы не советует ей брать сироту, но, согласно *Liber de generatione*, супруг Аль-Харис одобряет ее выбор, который она делает, вспомнив о своем видении. Далее оба текста весьма сходно описывают встречу Галимы и Мухаммада: младенец, закутанный в «шерстяной муслин белее молока и слаще муксуса» лежал на простынке из зеленого шелка и спал. Пробудившись от нежного прикосновения Галимы, он открыл глаза, улыбнулся и вышедший из его уст свет достиг небес. Когда Галима начала его кормить, он взял правую грудь, а левую оставил своему молочному брату – сыну кормилицы.

<i>Liber de generatione</i> , f. 17rd–17rs	<i>Libro de las luces</i> , p. 350–351
f.17rd Datur infans. super eum oratio Dei et salus, inuolutus sindone laneo lacte candidiore, musco suauiore. subtus in ferula serica uiridi, blandissima. resupinus dormiens. Molliter attingens expergefacio. Aperiens oculos arrisit. Ex ore lux emicat usque f.17rs in celum. Stupens faciem eius operio per horam, deinde mamillas prebeo. Receptit dexteram, nam Ibenabez ait. Sinistram eum college suo filio nutricis, nomine Damra, reliquisse.	p. 350 ... i torobélo enbuwelto en-un paño de lana balanka máš ke la leŷe, / i goliya él golor de p. 351 amizke. I šobre él un paño de seda / berde, i-y-él [eštaba] durmyendo...I puše mi mano / šobre šuš peytoš i šonnriyoše a miy i-y-abriyó /šus oŷos i miróme i biy šallir d-ente šuš / oyoš una luz ke pelega a loš siyeloš. // I kubriyole šu kara kon mis alburda porke no beyeše / šu madre akello. I bešélo entere šuš oyoš i dile / i teta, la dereyta, i mamó, i bolbilo a la eskerda, i no kišo / mamar d'-ella. ...Diyšo Ḥalimā: Ašiy ke / fuwe mi teta, la dereyta, para él, i la-skerda para mi fiŷo.

Поскольку Амина не желала отпускать Галиму, пока не даст совета, и несколько дней ее семья прожила в доме Абдальмута-либа. И опять происходили чудеса. В одну из ночей Галима, проснувшись, увидела у изголовья Мухаммада мужа в прозрачной зеленой одежде, он целовал ребенка в лоб и повторял какие-то слова. Она разбудила мужа, чтобы и он увидел это чудо. Об этом видении рассказывают оба текста.

<i>Liber de generatione, 17rs</i>	<i>Libro de las luces, p. 352</i>
Quod expectans, transacto triduo nocte quarta forte ut fit expergisor, et respiciens uideo uirum uiridi perlucido indutum, ad caput infantis sedentem, osculis frontem paruli continue repetentem. Suauius excito coniugem ut miraculum uideat.	Diyšo Ḥalimā: / I dormiy tereš noyeš kon-él, I binome la tešera / noýe un onbere de rropaš berdeš kon rrešpalandoreš // de kalaredad, i púšoše en šu kabeša i bešolo entere sus oýoš. I fuwe a mí marido poko a poko, i díšele: “Mira / mirabilla”

Наконец они отправились домой. Согласно латинскому тексту, когда Галима с ребенком садилась на ослицу, та наклонилась в знак почтения перед Мухаммадом, а потом встала и с поднятой головой помчалась за теми, кто уже был впереди¹³. В *Libro de las luces* ослица три раза пала ниц перед домом Абдальмуталиба в Мекке и воздела голову в небеса¹⁴. Видя все это, народ Бану-Сада изумлялся и не узнавал в ней прежнюю ослицу, которая едва тащилась и задавал вопросы Галиме, которая подтверждала, что это та самая ослица – так рассказывают оба текста:

<i>Liber de generatione, f. 17rs</i>	<i>Libro de las luces, p. 353</i>
Quod cum uiderent admirantes rogant. Heccine est asina tua, per deos. o Halima. Quam nudius tercius tociens releuari uidimus. Respondi. Hec ipsa.	I laš muyereš marabillandoše / de míy i kalamandome de šaga, i diziyendo : «¡Yā fiýa de Banī / Duway !, / ¿ eša eš tu beštiya la ke beniyaš ke no te podiya taraer ? » I deziyaleš yo : « Šiy, a la fe ».

В *Liber de generatione* на недоуменные вопросы народа человеческим голосом отвечает сама ослица, в которую, по ее словам, Бог вдохнул жизнь, она же сообщает, что несет на спине

¹³ Ms. Lat. 1162, f. 17rs: «Cumque consedissem asinam prebet maritus paruulum, procumbit asina tanquam adorando. Suscepto, consurgit et, subleuato capite, percurrit omnes que iam precesserant»

¹⁴ El libro de las luces. Leyenda aljamiada sobre la genealogia de Mahoma ...P. 353: «I bi mi beštiya ke alsaydó tereš bezeš enta la kaša de Makka I also su kabesa al siyelo».

«печать пророков» и «друга Бога всемогущего»¹⁵. Так, сообщает латинский текст, с Божьей помощью они вернулись из Мекки домой быстрее всех, и с той поры изменилась участь Галимы, и она сама, ее семья и соседи почувствовали, что судьба к ней стала благосклонна¹⁶. В *Libro de las luces* об этих изменениях рассказано намного подробнее: так, принадлежащая Галиме скотина в отличие от соседской, тучнела и размножалась, хотя и те, и другие стада паслись на тех же пастбищах¹⁷. Все эти блага Галима приписывала благословию Мухаммада (*la bendisiyón de Muḥammad*).

Отмечая сходство между двумя рассмотренными текстами, следует иметь в виду, что рассказанные здесь истории можно встретить во многих сирах пророка и хадисах (например, в сире ибн-Исхака) [4:54–55], но все же в этих памятниках они расцвечены такими деталями, которые есть только в наших текстах, и даже известные хадисы передаются в них несколько иначе.

IV.3. Так, в свидетельстве Галимы пересказано популярный хадис о том, как маленького Мухаммада похитили три мужа, которые разрезали его, омыли внутренности снегом, вынули из сердца дьявольское зерно и вернули мальчику прежний вид. Вот как рассказана эта история в тексте, который переводил Герман Далматинский: взволнованный сын Галимы Дамра прибегает к родителям и призывает поспешить к их приемному сыну, который находится при смерти. Отвечая на вопрос испуганного отца, он сообщает, что три мужа выхватили Мухаммада из толпы товарищей и, отнеся на гору, вскрыли ему живот и выпотрошили внутренности. В *Libro de las luces* тот же эпизод изложен более подробно: там описывается эмоциональное состояние Дамры,

¹⁵ Ms. lat. 1162, f. 17vd: «Sic me Deus ex pereunte refecit, ex morte in uitam restituit . O si sciretis quis est quem defero! Hic est' inquit 'sigillum prophetarum, dominus nuntiorum, melior prioribus, amicus Dei omnipotentis'».

¹⁶ Ibid. : «omnisque fortuna mea ita commutata, est ut non sola domus mea, uerum omnis uicinia fortune mee fauorem senserit»

¹⁷ El libro de las luces. Leyenda aljamiada sobre la genealogia de Mahoma... P. 353: "...aderesó / Allāh mis ganadoš ke še enpereñaban i pariyan, // I no pariyan ni s-enpereñaban los de loš otoroš d-ikiya- / ke mandaban a šuš pastores ke pašentašen šuš ganadoš kon loš de Ḥalimā ...").

беседа Галимы и сына, рассказ которого передается прямой речью.

<i>Liber de generatione</i> , f. 17vd	<i>Libro de las luces</i> , p. 356–357
<p>Ecce die quodam uenit accurrens filius meus Damra ualido clamore totam domum terrenis. Accurrite celeres accurrite. Nec enim fratrem meum Mahumet, nisi mortuum inuenietis. Territus pater querit quidnam acciderit. Ille tres uiros puerum e medio sociorum arreptum in montem eleuasse, apertoque uentre totum euiscerasse ait.</p>	<p>p. 356: De fuwe un dīiya, bīnome Damrata, / mi fiyo, korriendo... llorando, llamando : «Yā madre, akorre a moy /ermano Muḥammad, ...ke no les alkansaráš, / šino muwerto ». Diyšole : «¿I ké koša es ? » Dišome : « Eštando/ ŷugando nošotoroš i él, binyeron tereš onbereš / i rappoló el-uno d-elloš i puyólo ensima del monte, i...p.357 abriyó de loš peyos fašta la surra, i no šabemoš / ké se fizo más, pero kerewo ke eš muwerto, i muwerto / lo fallaráš».</p>

Согласно латинскому тексту, приемные родители прибежали на место происшествия и застали Мухаммада целым и невердымым, но испуганным. Он рассказал, как три мужа подняли его на гору, первый раскрыл его внутренности от груди до живота так, что он не испытал боли, и омыл их снегом. Второй расколол сердце напополам и из сердцевины вынул черное зерно и выкинул его со словами: «Это часть дьявола». А третий еще раз омыл его и восстановил в прежнем виде.

Так же хадис передается и в *Libro de las luces*, но добавляются некоторые детали. Пришедшие на место происшествия Галима и аль-Харис застают своего сына улыбающимся и смотрящим в небеса. Он пересказывает всю ту же историю, но сообщает некоторые подробности: похитившие его мужи отличались, по словам ребенка, небывалой красотой и были одеты в прекрасные одежды; у одного из них был золотой кувшин, у другого осыпанный драгоценными камнями таз со снегом. Они омыли его снегом и вынули черное зерно из сердца.

<i>Liber de generatione, f.17vd</i>	<i>Libro de las luces, p. 357–358</i>
<p>Accurrimus amentes inuenimusque ut dixerat in monte, illesum tamen. Rogamus queruli quidnam acciderit. Ille quasi terrefactus. Tres inquit uiri de pascuis arreptum huc f.17vs eleuarunt. Quorum primus a pectore usque ad umbilicum nichil ledens aperuit. Apertaque uiscera niue lauit. Succedens secundus cor per medium fidit et e medio granum nigrum eripiens abiecit dicens: Hec est portio diaboli. Tercius lota extergens me ut fueram et sum restituit.</p>	<p>p.357 Diyşo Ĥalīma: «I fuwemoş yo i şu padre / korryendo, i fallémoşlo ensima del kabeso de un monte, /aşentado, mirando al siyelo, rriyéndose...I diyşome: “Agora, /estando akı kon miş ermanoş ŷugando, binyeron / tereş onbereş ke nunka loş bi máş fermoşoş // k-elloş, de karaş i ropaş I goloreş muy buwentaş, i-y-en mano de uno / d’elloş un-awamanil de oro, i-ye-el-otero d-elloş, un basın de piye-/dras peresiyoşaş, berde, peleno de niyebe...itáronme en tiyerra p.358 muy şutilmente... fendiyéronme del / miş peytoş d-aky-a mi surrilla ...i no şentiya dolor (ni enoŷo) ninguna. I metiyó şu mano en mi biyentere [i şakó las tripaş] labólo kon / akella aguwa i nieybe muy bien, i tornólo a şu lugar...el şegundo ...metiyó en miy / biyentere i sakóme el korazón. I fendiyólo i şakó /d-él gotaş de şangere negraş enbuweltaş en şangere / i lansólaş fuwera, i diyşo: “Eşto eş la part del aşşaytān de tú...I luwego....tornólo a şu lugar... p. 359... el tersero ...sarróme la fendedura...</p>

Затем, как рассказывает пророк родителям в латинском и альхамьядском текстах, третий муж попытался взвесить сначала Мухаммада и еще десять человек, потом еще десять и т.д., и пророк всякий раз перевешивал. Убедившись в том, что никакое число людей не перевесит будущего пророка, посланца Бога, поцеловав ребенка в лоб, отпустили его. Мухаммад видит их удаляющимися и показывает на них пальцем.

В *Libro de las luces* в сравнении с латинским текстом есть несколько дополнительных деталей. Муж взвешивает Мухаммада

и 1000 людей из религиозной общины пророка, потом еще 1000 и т.д., пока не осознает что все люди на земле собравшись не смогут его перевесить. И тогда он, поцеловав ребенка и сказав ему, что тот находится под защитой Бога, отпустил его. Ангелы возвращаются обратно в небеса, и Мухаммад видит, куда именно они уходят и готов показать своим приемным родителям эту точку на небе.

<i>Liber de generatione</i> , f. 17vs	<i>Libro de las luces</i> , p. 359–360
<p>Quo facto in una libre lance posuerunt. in altera decem uiros. Et pars mea perpendit. Apposuerunt et alios decem. et iterum partis mee pondus uicit. Sic facto. Sinite. inquit unus. nec enim numerabilis hominum multitudo huic equipendere posset. Osculisque mihi in capite et fronte datis abeunt. Et ecce digito assignans ait. abeuntes none uidetis.</p>	<p>P. 359: «i diyšo: “Pešadlo / kon siyen de (su) alumna”. I pešaró[n]me, i lebéloš, i diš(o): “Pe-/šadlo / kon mil de šu alumna”. I pešarónme, i lebéloš, i diyšo: “Dešadlo, ke aunke lo pešašedeš kon šu alumna toda / i todoš loš de la tyerra ýuntos, loš lebariya a todoš:”...i luwego biniyeron a míy i bešaronme entere / miš oyoš, i diyšeronme: p. 360 “Yā amigo, no ayaš miyedo, / ke ši šupiyeš(eš) lo ke te kiyeren, del biyen abiríyaš / muyto palazer”. I dešáronme eštando en-ešte lugar, bolaron /d-akiy-a k-entaron en-el siyelo...i si kiyereš, / biyen te puwedo demoštarar por dónde dentaron...</p>

IV.4. В своей последней истории Галима рассказывает, что случилось с Муаммадом после посещения его небесными посланцами. Сначала кормилица, испуганная случившемся событием, решила показать мальчика известному прорицателю, жившему по соседству. Тот пожелал услышать рассказ из уст самого Мухаммада. Но, согласно *Liber de generatione*, по мере того как будущий пророк описывал то, что с ним случилось, дух гаруспика воспламенялся (*aruspex inflammatus spiritu*), и к концу рассказа он накинулся на Мухаммада с криками, что если тот останется жив, то разрушит их веру и религию. Видя это, Галима вырывает мальчика из рук прорицателя.

В *Libro de las luces* Мухаммад должен рассказать свою историю прорицателю (*adebino*) с глазу на глаз, но выслушав его, тот

призывает убить мальчика и лишить жизни его самого, так как повзрослев, Мухаммад разрушит все их установления и опровергнет их законы и установит доселе неизвестные. Галима советует прорицателю поискать себе другую жертву и, выхватив из его рук мальчика, быстро покидает его жилище.

<i>Liber de generatione</i> , f. 17vs	<i>Libro de las luces</i> , p. 360
Hicque tanquam febre percussus intremuit, tremulum solliciti diuino quem uicinum habebamus abducimus. Cui cum rem exposuissemus ab ipso audire uelle ait. Ille ab initio rem omnem per ordinem pandit. aurem diuinus attentus prebet. Uix dum finierat et ecce aruspex inflammatus spiritu, iniectis manibus arripit puerum et astringens exclamat. Hunc credite. si superstitem dimittimus, ruinam omnis fidei et religionis nostre patimur. Proh. turba deorum. Accurrite. io populi. Si quos deorum sacra mouent nec tantam deitatis cladem patientes, me potius cum ipso pariter perimite. Hic ego uehementer irruens puerum eripio.	I bensiyéronme / d-ikíy-a ke fuwe al-adebino kon-él, i kontéyelo [al-adebino]...Diyšo el-adebino: “Di, tú, moso”...I kontóle / Muḥammad...lo ke le abíya akaesido de kabo / [a kabo.] I šaltó el-adebino en piye i-y-abarasóše d-él i llamó ad altas / bozeš: ...p.361 ”Matat / a ešte moso i matadme a míy kon-él, i no benga tanto / mal por el bibir, ke si lo dešayš pelegar a onbere, /él dešfazerá buweštaraš ašolbisiyoneš i deš-/mentira buwešaš leyeš, i kalamarboš-á a ley i-y-a šenor /ke no konoséyš. I diyšo Ḥalīma: De key o oí šu dito, / tirélo d-entere šuš mañoš il dišele: “...Buška tú kiyen te mate / a tú, ke no kiyero matar a mi fiyo””.

После всех перипетий Галима по совету соседей все же решается вернуть Мухаммада родителям и отправляется с ним в Мекку. В обоих наших текстах описаны одни и те же события: проходя через главные ворота Мекки, кормилица присела послушать заседавший у ворот совет, и в этот момент она потеряла Мухаммада. Следует отметить, что в этом рассказе наши источники не так уж оригинальны, поскольку история о пропаже Мухаммада вошла во многие сиры пророка [1:30]. Проливая слезы, Галима напрасно пытается найти мальчика, вызывая сочувствие окружающих¹⁸. В *Liber de generatione* некий старик с посохом советует

¹⁸ Ms.lat. 1162, f. 18rd : “Ingemino miseranda uoces lacrimis profluens. Audientes plangentis solacio accurrunt, dumque circumstant”. См. соот-

кормилице обратиться за помощью к идолу Хубалу. Галима сомневается, не будут ли напрасны ее просьбы насчет Мухаммада, к которому идолы относятся с недоверием. Старик обещает, что сам попросит за нее. Войдя в святилище, он, обойдя по кругу, склоняется перед кумирами и главным идолом Хубалом, целует его глаза и ноги и просит за будущего пророка. Хубал, окруженный множеством божеств, сотрясается и предъявляет старику обвинение: он молит за того, кто принесет гибель кумирам.

Этот эпизод более обстоятельно изложен в *Libro de las luces*. В тексте на альхамьядо приведены диалоги старика и Галимы, которая, сомневаясь в его совете, напоминает ему, что в ночь, когда родился Мухаммад, свершилось падение идола аль-Уззы. Старик выражает готовность быть ее проводником. В святилище он в знак почтения шесть раз обходит вокруг Хубала и целует его голову, а затем рассказывает о несчастье Галимы, потерявшей сына и просит Хубала вернуть его. Во время этой речи все идолы падают один за другим на землю, а главный идол говорит, что Мухаммад принесет им разрушение и гибель.

<i>Liber de generatione</i> , f.18rd	<i>Libro de las luces</i> , p. 364–365
Astitit senex tremulus. ferula subnixusio monens ut ab Habel responsum queram. Cui cum respondiissem id scilicet deos ne pro illo rogem frustra quem ipsi adeo suspectum habent, ait. Sequere ergo me si tu desperas, ego pro te rogabo. Sequor. Ingressus itaque senex incuratur Habel principi sicque sociis diis per girum. Datisque oculis manibus et genibus Habel. supplicat pro puero Mahumet, filio Abdalla, filii Abdalmutalib. Hic ipse Habel omnisque illic astantium deorum multitudo contremiscens intonat. Nos ne stulte senex infestare uenis	p.364 I bino u[n] biyeŷo muy dekaido ... i dišome: “... Yo te giyaré a kiyen te diga / de tu fiŷo...” – I kiyén eš ? Diyšo : « El idol[o] mayor, Habał, entara i demándaŷelo, i tornártelo a, ši kerrá”. Diyšo Țalıma: / ... ¿Kómo no beŷyas lo ke de deballó šobre / Aláta wa-a`uzza la noŷe ke nasiyó MuȚammad...Diyšo el biyeŷo: “Feš io ke te digo i šeraš / giyada ke no šabeš i ké te dizeš...” Diyšo Țalıma: I-y-entoró // apiriša i palemó a el i rodeólo siye[te] begadaš, i bešóla en la kabesa, / i diyšo: “...p.365 Ešta asagrıa dize ke a perdido šu fiŷo. Šeñor, / tórnaŷelo i šaka ešte k’eš de las begaš de Makka ». I luwego

ветствующий пассаж в El libro de las luces. Leyenda aljamiada sobre la genealogia de Mahoma... P.363–364.

eum nominans qui in ruinam nostrum natus est. Abi hinc male sane. Ita ne te senium alienavit ut tui oblitus aliena tractes.	el ídolo [mayor] tunbó de kara [e] n tyerra, I todaš laš idolaš / de la kaša kayeron unoš šobre otoroš, i fablaron i diše-/ron: “Bešte de noš, yšā biyeýo, ke nuweštra dešturu-/isiyón i perdisiyón eš por mano d-ešte Muḥammad, fiýo /de ‘Abdu Allāh...”
---	---

Убежав от идола Хубала, Галима решает все-таки сообщить Абдальмуталибу о пропаже внука. Согласно обоим памятникам, дед, узнав новость, рассвирепел и схватился за меч. В латинском тексте он обещает устроить бойню среди корейшитов, чтобы отомстить за пропажу или хотя бы утолить свой гнев. В *Libro de las luces* просто говорится о том, что, зная о его силе, никто не смел даже подступить к нему, когда он был разъярен. В обоих текстах Абдальмуталиб обращается к знати и народу, сообщая о пропаже Мухаммада. Корейшиты обещают произвести розыски по всей стране и най место, где укрывается ребенок. В *Libro de las luces* знать вместе с Абдальмуталибом верхом рыщут по всей Мекку, и никого не найдя, шесть раз объезжают вокруг дома в Мекке, и Абдальмуталиб уже признает, что он проиграл.

<i>Liber de generatione</i> , f. 18rs	<i>Libro de las luces</i> , p. 366
Arreptoque gladio. Quam inquit inuidia nepotem michi ademit. ego tantam hodie cedem in Alchorais conficiam, quanta nullis audita seculis aut integram michi uindictam reddat aut saltem iram meam abundantia sanguinis satiet. Affuit turba magnatum et plebis, pauidesque trementibus aliis. procedentes principes solantur dicentes. Ut quid hec domine rex. Nonne equorum cursu totam prouintiam lustrare possumus. ne ullus supersit locus qui absconditum retineat. Sic facto. frustra fatigati redeunt.	I luwego šako šu ešpada, i-y-era un onbere ke kuwando š-enšañaba, / no le ošaban parar delante nunguno de šu garan fortaleza. I kalamó ad-altaš božeš: “¡Yā loš de Banī’ Alī-ke še kalaman / ašíy loš de Qurayšši.” I rrešpondiyéronle [todoš: “¿Ke] te palaze? “ ” Diyšo: / “Aše perdido mi fiýo”. Diyšeron: “Kabalgaremoš con tú, / i keremoš ir do kerráš”. I kabalgaron kon-él a taraš-/torrnar a Makka alderredor d-ella, i de ke no lo toró, dešó / la ýente i rrebešoše, i fuweše a la kaša de Makka / i rodeóla šiyete begadaš, i diyšo: “Yā señor, .../ de Muḥammad , si no la torrnaš toda mi kompana šerá perdida”.

Но затем нетерпеливый Абдальмуталиб входит в святилище и, согласно латинскому тексту, возносит молитвы в надежде на помощь Бога. И тут же небесный глашатай объявляет, что следует искать пропавшего под одиноким деревом у реки Тухемы. Поспешив туда, они находят мальчика и с великой радостью возвращают его домой. В *Libro de las luces* Мухаммада находят Абдальмуталиб и Варака ибн-Нафваль (как об этом также рассказывают сиры пророка) [1:30] – ребенок наклонял ветки и играл с листвою. С превеликой радостью его доставили домой в красивейшей повозке. Заканчивается и тот, и другой тексты, словами Галимы, которую богато одарил Абдальмуталиб, и она всем довольная вернулась домой.

<i>Liber de generatione, f.18rs</i>	<i>Libro de las luces, p. 367–368</i>
<p>Rex impatiens templum ingreditur ut saltim deorum munere amissum recuperet. Audit interea preconem celitus clamitantem iuxta fluium Tuhenne sub arbore heremi reperiendam. Prosiliunt rapidi. Inuentumque puerum cum gadio et exultatione magna reducunt. Ego regiis muneribus diues letadomum cum graciaram actione rediui.</p>	<p>p. 367: “ I luwe[go] šonó una boz en-el-ayre ke deziyaš [sic]: “No poloreš / ni bozeeš, ke Muḥamad tiyene señor ke no l[o] deše-/nparará ni lo menoškabará”. Diyšo ‘Abdu Almutalib: “Yā /kalamador de l-altura, ¿ a dó lo torobaré? I diyšo: “En-el bal de Tuhāma / kabo el-árbol...” I luwego fuweše ‘Abdu Almutalib / por-él, i Waraqa, fiyo de Naw [fall], i torobóronlo allí a Muḥammad, [yugando] en piye yuš el-árbol, tirando de las rramaš, / yugando kon las foýaš. I pirišolo ‘Abdu Almutalib / delante d-él i torrnólo a Makka en fermošo aparelho, i kon garande alegriya i šošiyego... p. 368 I diyšo Ḥalīma: I-y-aparellóme ‘Abdu Almutalib / i diyóme dadibaš muy garandes. I partíme I torrnéme / a mi kaša kon-el biyen d-ešte mundo i del-otero, ke no podriya / šenbalansar mi dezir mi biyen...</p>

Итак, проведя сравнение двух текстов, мы можем прийти к следующему выводу. Хотя в них встречаются довольно известные по жизнеописаниям пророка эпизоды (например, «очищение сердца пророка Мухаммада» и др.), впоследствии вошедшие во многие сиры и хадисы, версии *Liber de generatione* и *Libro de las luces* представляются вполне оригинальными, а их близость между собой очевидной. В них излагаются одни и те же предания, причем в одном и том же порядке; популярные истории описываются по одной и той же схеме, а между отдельными пассажами нередко встречаются буквальные совпадения. Бесспорно, рассказы о детстве пророка ислама в *Libro de las luces* передаются более пространно – в этой версии постоянно встречается прямая речь, монологи и диалоги персонажей и пр., а версия *Liber de generatione* представляется более сухой и лаконичной. При этом в латинском тексте есть такие сокращения и дополнения, которых мы не встречаем в *Libro de las luces*. Все эти обстоятельства могут свидетельствовать в пользу того, что *Liber de generatione* является независимым и оригинальным источником. По существу, это первая неарабская версия того источника, который впоследствии стали называть *Libro de las luces*. Сходство латинской и альхамьядской версий может подтвердить уже высказанную в отношении других частей трактата гипотезу о том, что оба текста происходят из какого-то общего арабского источника – может быть, *Urtext*, послужившего образцом для последующих текстов. Не исключено, что этот общий арабский источник и есть тот самый оригинал, который имел перед глазами Герман Далматинский, когда выполнял поручение Петра Достопочтенного – создателя «Клюнийского корпуса».

Литература

1. Жизнеописание Пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века) / Перевод с арабского Н. А. Гайнуллина. М., 2008. 656 с.
2. Лучицкая С.И. Петр Достопочтенный и «Клюнийский корпус» // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2019. Вып. 8. № 2. С.44=53.

3. *Мереминский С.Г.* Петр Достопочтенный // Православная энциклопедия. М., 2019. Т.56. С. 23-27.
4. *Монтгомери Уотт У.* Мухаммад в Мекке. М.; Спб, 2006. 271 с.
5. *d'Alverny M.-Th.* Quelques manuscrits de la "Collectio Toletana" // Petrus Venerabilis 1156–1956. Studies and Texts. P. 202–218.
6. *Asín Palacios M.* Manuscritos árabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta, Madrid, 1912. 376 p.
7. *Burnett C.* Arabic into Latin in Twelfth Century Spain: the works of Hermann of Carinthia // *Mittelatisches Jahrbuch*. 1978. Bd. 13. S. 100–134.
8. *Burnett C. (ed.)* Hermann of Carinthia 'De Essentiis'. A Critical Edition with Translation and Commentary. Leiden; Köln, 1982. 203 p.
9. *Burnett C.* Hermann of Carinthia // *A History of Twelfth Century Western Philosophy* / Ed. P. Dronke. Cambridge, 1988. P. 386–404.
10. *Busard H.L.L.* Hermann von Carinthia // *Lexikon des Mittelalters*. München, 1989. Pt.4. Sp. 2166.
11. *Constable G. & J. Kritzeck (eds.)* Petrus Venerabilis 1156–1956. Studies and Texts Commemorating the Eighth Centenary of His Death. Rome, 1956 (*Studia Anselmiana*. Vol. 40). 255 p.
12. *de la Cruz Palma O.* Los textos de la llamada *Collectio Toletana*, fuente de información sobre el islam // *Journal of medieval Latin*. 2007. Vol. 17. P. 413–434.
13. *de la Cruz Palma O.* Notas a la lectura del *Liber de generatione Mahumet* (trad. de Hermán de Carintia, 1142–1143)» // *Estudios de latín medieval hispánico. Actas del V Congreso Internacional de Latín Medieval Hispánico, Barcelona 7–10 de septiembre de 2009.* / Eds. J. Martínez Gázquez, O. de la Cruz Palma, C. Ferrero Hernández. Firenze, 2011. P. 609–625.
14. *Ferrero Hernández C.* Hermann of Carinthia. *Liber de generatione Mahumet. Liber de doctrina* // *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History* / Ed. D. Thomas & A. Mallett . Boston; Leiden, 2011. Vol. 3. P. 497–507.
15. *Fierro M.* How do we know about the Circulation of Books in al-Andalus? The Case of al-Bakhri's Kitāb al-Anwār // *Intellectual history of the Islamic world*. 2016. Vol. 4. P. 152–160.
16. *Kritzeck J.* Peter the Venerable and Islam. Princeton, 1964. 316 p.
17. *van Koningsveld P. Sj.* Andalusian-Arabic Manuscripts from Christian Spain: a comparative intercultural approach // *Israel Oriental Studies*. 1992. T. 12. P. 75–110.

18. *Kutleša S.* Croatian Philosophers: Hermann of Dalmatia (1110–1154) // *Prolegomena: Časopis za filozofiju.* 2004. T.3. N 1. P. 57–71.
19. *Martinez Gasquez J., de la Cruz Palma O.* Las traducciones árabe-latinas impulsadas por Pedro el Venerable” // *Las órdenes militares: realidad e imaginario / Ed. M.D. Burdeus-E. Real-J.M. Verdegal.* Castellón de la Plana, 2000. P. 285–296;
20. *Martinez Gasquez J.,* Trois traductions médiévales latines du Coran: Pierre le Vénérable, Robert de Ketton, Marc de Tolède et Jean de Segobia // *Revue des études latines.* T. 80. P., 2003. P. 223–236.
- Martinez Gásquez J.* Hermán de Carintia y la tradición clàssica // *Omnia mutantur. Canvi, transformació i pervivència en la cultura clàssica, en les seves llengües i en el seu llegat / Ed. E. Borrell Vidal,* O. de la Cruz Palma. Barcelona, 2016. Vol. II. P. 173–180.
21. *Rosenthal F.* Al-Bakri // *The Encyclopedia of Islam.* Leiden, 1960. Col.964–965.
22. *Schmitz M.* Ka’b al-Aḥbar // *The Encyclopedia of Islam.* Leiden, 1974. Col. 316–317.
23. *Shoshan B.* Popular Culture in Medieval Cairo. L., 2002.
24. *Torrell J. P., Bouthillier D.* Pierre le Vénérable et sa vision du monde: Sa vie- son œuvre: L’homme et le démon. Leuven, 1986. XL+454 p. *della Vida Levi* Manoscritti arabi di origine Spagnola nella Biblioteca Vaticana // *Studi e testi.* 1962. T. 219–220. P. 153–155.